

DOI 10.15393/j10.art.2018.3401

Владимир Александрович Викторovich*доктор филологических наук, профессор кафедры литературы
Государственного социально-гуманитарного университета
(Коломна, Российская Федерация)*

VA_Viktorovich@mail.ru

НЕФАНТАСТИЧНОСТЬ «ФАНТАСТИЧНОГО “ИДИОТА”»*

Аннотация. На роль прототипов главного героя романа Ф. М. Достоевского «Идиот» до сей поры претендовали два персонажа русской истории: граф Г. А. Кушелев-Безбородко и князь В. Ф. Одоевский. Основанием для этого служили совпадающие факты биографии и черты внешнего облика и характера. В настоящей статье предлагается новый подход к проблеме: прототипической может быть духовная жизнь реальной личности. Так, Е. А. Штакеншнейдер, близкая знакомая Достоевского, представляет собою человеческий тип, чрезвычайно волновавший автора «Идиота»: обиженный природой инвалид, лишенный права на простое человеческое счастье, она переживает — и преодолевает! — комплекс метафизической обиды, вариативно отраженный в романе в образах Ипполита Терентьева и князя Мышкина. Дневник Е. А. Штакеншнейдер (в том числе не опубликованные доселе его страницы) обновляет представление о жизненном контексте романа «Идиот» и верифицирует заявление автора о нефантастичности его героя.

Ключевые слова: роман «Идиот», прототип, князь Мышкин, Ипполит Терентьев, дневник Е. А. Штакеншнейдер, жизненный контекст, литературный образ

Проблема прототипов всегда возбуждала к себе особый интерес. Проницательные читатели ревностно отыскивают намеки на реальных лиц в литературных героях, порою даже вопреки воле их автора: так случилось с Базаровым / Добролюбовым в «Отцах и детях» И. С. Тургенева или с Иваном Матвеевичем / Чернышевским в «Крокодиле» Ф. М. Достоевского. Впрочем, бывает, что сам автор нарочно дразнит читателей прозрачными намеками (Кармазинов / Тургенев в «Бесах»). Между двумя этими крайностями располагается массив предположительных и неавторизованных прототипов — поле деятельности пытливых искателей, профессионалов и любителей [Белоусов, 1974, 1982], [Свирский], [Этингоф: 151–200, 305–399]. Можно бесконечно спорить, был ли Ласенер прототипом Раскольникова, а Михаил Бакунин — Ставрогина... Неопределенность часто порождается размытостью самого термина.

В «Литературном энциклопедическом словаре» (1987) дано следующее определение прототипа: «...реально существовавшее лицо, послужившее автору прообразом (моделью) для создания персонажа» [Хализев]. Здесь прочитывается отсылка к расхожей идее отражения жизни искусством, едва ли не фотографичности, что может иметь место лишь как частный случай прототипичности. В Академическом словаре 2012 года обнаруживается определение уже более обтекаемое: «Прототип <...> 1. Реальное лицо, послужившее писателю основой, оригиналом, источником для создания художественного образа, литературного персонажа»¹. Из дефиниции ушло

понятие «моделирования», но зато новый синонимичный ряд («основа, оригинал, источник») настолько безбрежен, что размывает изначальное этимологическое значение «прообраз». «Реальное лицо» в известных классических случаях (к примеру, с тем же Базаровым) останавливает внимание писателя-аналитика именно как открывшееся ему явление, весть о существующем или только нарождающемся типе.

В романе «Идиот» автор, приступая к заключительной части и отходя в сторону от повествования, предлагает читателю задуматься о специфике сопряжения литературы и жизни:

«Писатели в своих романах и повестях большею частью стараются брать типы общества и представлять их образно и художественно, — типы, чрезвычайно редко встречающиеся в действительности целиком и которые тем не менее почти действительнее самой действительности. <...> в действительности типичность лиц как бы разбавляется водой и все эти Жорж Дандены и Подколесины существуют действительно, снуют и бегают пред нами ежедневно, но как бы несколько в разжиженном состоянии»².

Заметим сразу, что и к главному герою цитируемого романа следует приложить ту же меру: и Мышкины являются нам «ежедневно» «в разжиженном виде».

Далеко не случайно приведенный пассаж находит место именно в «Идиоте». Этот роман гораздо более, если можно так выразиться, «прототипичен» сравнительно с предыдущими произведениями Достоевского (оставляя в стороне «Записки из Мертвого Дома» в силу их слегка завуалированной документальности, стоит отметить значительное количество прототипических и автобиографических деталей в «Дядюшкином сне» (см. об этом: [Викторovich, 2016]), в этом смысле приближающемся к «Идиоту»). В письме А. Н. Майкову 21–22 марта (2–3 апреля) 1868 г. автор утверждал: «В совершенную верность характера Настасьи Филипповны я <...> верю. Кстати: многие вещицы в конце 1-й части — взяты с натуры, а некоторые характеры — просто портреты, например генерал Иволгин, Коля» (28₂, 283). Следовало бы добавить, что «портретирование» свойственно не только первой части романа: в целом «Идиот» получился собранием русских типажей, своеобразной физиологией России, наблюдаемой «из прекрасного далека» (угадывается «несущая конструкция» «Мертвых душ» Н. В. Гоголя). Между тем аспект «роман=действительность», в связи с убыванием интереса к социально-исторической проблематике творчества Достоевского, все меньше привлекает исследователей, сосредоточивающихся на его евангельских и литературных источниках. Ситуация с прототипами романа «Идиот» освещалась в немногих работах: [Боград], [Левина], [Назирова, 1970, 1974], [Соломина: 385–390]. Сюда следует добавить наблюдения над автобиографизмом Мышкина, начатые еще дочерью писателя [Достоевская Л. Ф.].

Проблема прототипов главного героя романа поставлена в двух специальных статьях — Р. Г. Назирова и Л. А. Левиной [Назирова, 1970], [Левина]. Были предложены кандидатуры графа Г. А. Кушелева-Безбородко и князя В. Ф. Одоевского, основанием для чего послужили совпадающие факты биографии и черты внешнего облика и характера.

Так, первый из названных прототипов характеризуется как «безвольный аристократ с чертами дегенерации, абсолютно непрактичный и пользовавшийся репутацией чудака» [Назирова, 1970: 116]. Некоторые обстоятельства его жизни действительно сходны с обстоятельствами жизни Мышкина, описанными в романе: дом, полный гостей, где хозяин «по бесконечной слабости характера и отчасти болезненности, ни во что не вмешивался» [Назирова, 1970: 117], женитьба на красавице сомнительной репутации. Как видим, прототип не вполне соответствует художественному замыслу Достоевского, так что исследователь вынужден в итоге предположить, что «в ходе создания романа Достоевский далеко отошел от прототипа; возможно, это связано и с определенным разочарованием в графе Кушелеве-Безбородко, с осознанием его незначительности» [Назирова, 1970: 119]. Думается, что последнее было очевидно для писателя и в самом начале работы над романом. Перед нами в данном случае не прототип, а только некоторые прототипические черты внешнего свойства. Примечательно, что, ориентируясь на таковые, Р. Г. Назиров отрицает мнение некоторых исследователей о знаменитом филантропе докторе Гаазе как прототипе князя Мышкина: «...это историческое лицо явно не похоже на главного героя романа “Идиот”, если не считать одного: сочувствия к преступнику» [Назирова, 1970: 115]. Логика внешней «похожести» уводит теорию прототипичности в сторону либо биографизма, либо портретности. Данный же конкретный случай (Гааз / Мышкин) взывает к рассмотрению нравственного потенциала реальной личности и ведет в глубину замысла писателя. «Добрый доктор» с этой точки зрения — все-таки подлинный (глубинный) прототип Мышкина. Подтверждением этому служат суждения Ипполита в пользу единичного добра, в которых он говорит об одном «старичке-генерале» «с немецким именем» (8, 335) — а следовательно, вопреки сопротивлению самого Ипполита, в пользу Мышкина с его практическим христианством.

Иного рода претендент в прототипы — князь В. Ф. Одоевский. Хотя Л. А. Левина уверяет, что «очевидные черты сходства просматриваются в биографии князя Владимира Федоровича и героя Достоевского» [Левина: 140], эта очевидность (связь обоих князей с Москвой, запутанные отношения В. Ф. Одоевского с Н. Н. Ланской, «историческое имя» Одоевского, кличка его собаки и т. п.) на поверку оказывается не столь уж и явной. Со всем другое дело — параллели личностного свойства. Но и здесь не все так однозначно: иные из общественно-политических идей, о которых пишет исследователь, сближают Одоевского скорее с автором романа, нежели с его

героem. Однако бесспорными представляются сближения двух князей как педагогов, и в этой сфере наблюдения Л. А. Левиной хотелось бы расширить.

Дело в том, что предшественником В. Ф. Одоевского был энтузиаст элементарного образования Е. О. Гугель, учитель Гатчинского воспитательного дома, соиздатель первого в России «Педагогического журнала» на общественных началах. К. Д. Ушинский характеризовал Гугеля как «мечтателя», окончившего жизнь в сумасшедшем доме: его любовь к детям не выдержала давления догматики, общепринятого канона. Этот «мечтатель» стоял на том, чтобы основной формой развивающего обучения были *разговоры с детьми*, которыми взрослые обычно пренебрегают. Одоевский был, собственно, продолжателем дела Гугеля, основополагающий труд князя «Опыт о педагогических способах при первоначальном образовании детей» был напечатан в журнале «Отечественные записки» (1845, № 12), за которым особенно внимательно следил молодой Достоевский. Еще один последователь Гугеля — также личный знакомый Достоевского — П. М. Цейдлер, о котором мне уже приходилось писать [Викторovich, 2005]. Три этих человека были непосредственно причастны к педагогической теме в ранней повести Достоевского «Неточка Незванова», где перед нами два типа педагога: мадам Леотар с готовыми передовыми рецептами от Руссо и Александра Михайловна, учившаяся *вместе* со своей ученицей, как впоследствии и князь Мышкин: «...я и учился и читал все только для того, чтоб им потом рассказать, и все три года потом я им рассказывал» (8, 61). След Гугеля–Цейдлера–Одоевского приводит к неординарной педагогике Мышкина (впоследствии воспринятой Алексеем Карамазовым). К указанным источникам педагогических взглядов Льва Николаевича Мышкина, вероятно, подключен был автором и Лев Николаевич Толстой с его Яснополянской школой [Соркина: 42], [Новикова: 186–229].

Одоевский ярко и оригинально проявил себя на педагогическом поприще, но это была только одна из граней его большого человеческого таланта. Права исследовательца: «Князь Владимир Федорович Одоевский — один из самых светлых людей в русской истории, всю жизнь всем и каждому помогавший, всю жизнь себя раздававший» [Левина: 151]. К этому стоит добавить, что такой же «свет» исходил и от упоминавшихся выше соратников Одоевского. Таким образом, несколько реальных личностей, бывших в поле зрения Достоевского, могли послужить автору источниками для создания образа Мышкина.

Однако целому ряду «знающих жизнь» читателей князь Мышкин казался (да и сейчас кажется) сконструированным, неотмирным, а весь роман — сказочной фантазией, не имеющей отношения к действительности. Автор высказался по этому поводу с редкой бескомпромиссностью: «Мы всю действительность пропустим этак мимо носу. <...> Неужели фантастичный мой “Идиот” не есть действительность, да еще самая обыденная! Да именно теперь-то и должны быть такие характеры...» (29₁, 19). Полемический выпад

был сделан 26 февраля (10 марта) 1869 г. в письме критику Н. Н. Страхову, разделявшему расхожие сетования на фантастичность «Идиота». Достоевский при этом развил мысль, ранее намеченную в черновиках к роману: «...фантасти<ческая> действит<ельность>. Может быть, в Идиоте человек-то более действит<елен>» (9, 276). Столь принципиальное и настойчивое указание автора не может не толкать исследователя к отысканию исторических подтверждений «действительности» князя Мышкина, к поиску «таких характеров» среди современников писателя. Обратимся к еще одному из них.

***

Отбыв наказание, по возвращении в Петербург Ф. М. Достоевский активно посещает «субботы» в доме знаменитого архитектора Андрея Ивановича Штакеншнейдера. Хозяйкой салона была его супруга Мария Федоровна. Бывшего каторжника привлекали журфиксы в духе новой эпохи: «собиралось иногда до двухсот человек. Играли, пели, рисовали, а главное — говорили»³.

Особого внимания писателя удостоилась старшая дочь архитектора Елена Андреевна Штакеншнейдер (1836–1897)⁴. Достоевскому была интересна эта некрасивая девушка, пораженная неизлечимой болезнью суставов и позвоночника, сделавшей ее инвалидом. В начале знакомства между ними еще не возникло той интимной духовной связи, что соединила их в последние годы жизни Достоевского (в письме Елене Андреевне от 17 июля 1880 г. он признавался: «Я Вас люблю, и Вы это знаете» (30, 198)), и пока еще вряд ли она сообщала ему задушевные свои мысли, которые доверяла только дневнику, ставшему документом редчайшей — естественной и ненадуманной — искренности. Однако многое Достоевский мог прочесть на ее выразительном лице, в бесконечно печальных глазах. Самым сильным ее тогдашним переживанием было острое чувство ненужности, чуждости на пиру жизни. Судя по дневнику и последующим воспоминаниям Елены Андреевны, Достоевский любил наблюдать шумные развлечения собиравшейся у Штакеншнейдеров молодежи. Среди них отверженная и обиженная природой девушка не могла не обратить на себя внимание чуткого к чужому страданию писателя.

Приведем несколько примеров, в которых обнаруживаются параллели между автором дневника, Е. А. Штакеншнейдер, и князем Мышкиным в романе.

Запись Елены Андреевны от 13 мая 1855 г.: «Зачем хочется мне вон из этого мира, где я гостя непрошенная, если столько невидимых нитей соединяют меня со всем меня окружающим? <...> это всё струны, которые жалобно отзываются и причиняют боль»⁵. — Ср. в романе: «Иногда ему <Мышкину> хотелось уйти куда-нибудь, совсем исчезнуть отсюда...» (8, 286).

21 ноября 1855 г.: «Я ведь в игре не участвую и чувствую себя, как чувствовала бы маленькая девочка, которую старшие исключили из своей компании, а иногда я кажусь себе и старухой, которая глядит на веселящуюся молодежь; но чаще чувствую себя птицей с подрезанными крыльями» (93). — Ср. в романе: «Мучило его <Мышкина> то, что всему этому он совсем чужой. Что же это за пир, что ж это за всегдашний великий праздник, <...> к которому он никак не может пристать» (8, 351).

18 марта 1858 г.: «Таких, как я, и не вглядываясь пристально, по первому взгляду, зовут несчастными» (188). — Именно такой ее увидел Достоевский, когда с 1860 г. начал регулярно посещать субботы Штакеншнейдеров.

Впоследствии в своих воспоминаниях Елена Андреевна сетовала: «Странная вещь, возвращение с каторги и из ссылки Достоевского прошло совершенно незаметно в Петербурге! <...> И вот и я даже не внесла в дневник точного времени, когда в первый раз явился он к нам. Помню только, что бывал он почти каждую субботу (курсив мой. — В. В.) <...>. Рассказывал и говорил он очень интересно и тогда уже, но того впечатления, какое производил в последние годы своей жизни, тогда не производил» (454). Напротив того, автор «Униженных и оскорбленных» более всего обратил внимание на девушку-инвалида со страдальчески взыскующим взглядом, выделяющуюся из среды беззаботно веселившихся сверстников. Заметил и надолго запомнил, о чем, по ее воспоминаниям, проговорился через многие годы, вернувшись теперь уже из заграничной «ссылки»: «Я робела, а встретил он меня в высшей степени ласково, даже более того, точно я ему оказала какую-то честь своим посещением, <...> сказал, что *помнит* <...> даже, в каких платьях я ходила десять лет тому назад...» (курсив мой. — В. В.) (455). В те годы, когда общение Штакеншнейдер с Достоевским прервалось, ее вниманием владел другой учитель жизни, математик и социальный философ из «новых людей» П. Л. Лавров (см. об этом: [Викторovich, 2017]), который, как было всеми замечено, при посещении салона также первым делом искал глазами «горбунью с умным лицом»⁶.

Приведем позднейшее, но очень важное для нас авторитетное свидетельство Анны Григорьевны Достоевской: «Федор Михайлович очень уважал и любил Елену Андреевну Штакеншнейдер за ее неизменную доброту и кротость, с которою она переносила свои постоянные болезни, никогда на них не жалуясь, а, напротив, ободряя всех своею приветливостью» [Достоевская А. Г.: 404]. С восемнадцати лет Елена Андреевна начала вести дневник, благодаря которому мы имеем уникальную возможность наблюдать, как образовалась эта кроткая доброта и ободряющая приветливость на фоне мучительной болезни, сделавшей ее калекой (по духовной высоте сродни героине позднего рассказа знакомого с ней И. С. Тургенева «Живые мощи»).

На долгие годы книга становится ее лучшим другом, а ощущение «подстреленной птицы» (как неоднократно называет она себя, найдя у Тютчева

знакомый себе образ) делает восприимчивее к душевной маяте литературных персонажей. 21 сентября 1855 г. Елена Андреевна записывает:

«Полонский читал сегодня “Мцыри”. Ни он, ни Бенедиктов, кажется, не представляют себе хорошенько самого Мцыри, этого умирающего и дикого, горячего, необузданного мальчика. Он умирает, насилу может говорить, но не один жар болезни томит его, все желания дикой воли клокочут у него в груди. Желание пожить буйной жизнью, таинственно чудной, какую создало ему его воображение; а недуг томит» (73).

В то самое время, когда Достоевский внимательно наблюдал за дочерью хозяйки салона, она фиксирует в дневнике от 20 февраля 1861 г. дивное открытие, позволившее ей мысленно *встать над* фатальной обидою:

«Ну, да, я из несчастных, я калека. Не могу ходить, бегать, танцевать, как другие. <...> Я не выйду замуж, не буду любима, не буду иметь детей, свою семью, свой дом. Я брак в жизни. Но что же, ведь кому-нибудь надо же быть браком. Кругом меня ведь не бракованные же. Радуйся же и не ропщи, и не унывай. Вон тоже “я”, только зовут его не Лена Штакеншнейдер, а Лиза Шульц, молодая мать. У нее ребеночек, беленький, голубоглазый, Вика. Она шесть лет ждала его, и наконец дождалась. <...> радуйся ее радостию, усвой ее» (288–289).

Дневник Елены Штакеншнейдер — документ явленной христианской антроподицейной направленности, намечающей вполне реальную возможность изживания бытийной несправедливости через *расширение собственного «я»*. Открытие безвыходного суверенитета «подполья» Достоевским уже назревает, и его мотив исходит не только из литературных источников («Дневник лишнего человека» Тургенева, «Двойник» самого Достоевского, подвергнутый авторской модернизации), но также из окружающего жизненного пространства. Из собственного опыта Е. А. Штакеншнейдер становится вдруг очевидно, что замкнутое на себе «несправедливое» страдание, соединившись с протестным чувством, питает и лелеет безысходную метафизическую обиду.

Подобная логика и у Ипполита Терентьева, вполне закономерно прикнувшего к нигилистам:

«Для чего мне ваша природа, ваш павловский парк, ваши восходы и закаты солнца <...>, когда весь этот пир, которому нет конца, начал с того, что одного меня счел за лишнего?» (8, 343).

Иное решение предлагает «двойник» Ипполита, тоже «лишний» на пиру, Мышкин:

«— Пройдите мимо нас и простите нам наше счастье!» (8, 433).

Так способен поступать сам князь, и этот путь, как мы видели, находит для себя Е. А. Штакеншнейдер (с уточнением: не только «простите», но и «разделите»).

Впрочем, от мгновенного откровения истины, посетившей ее, еще далеко до реализации этой истины в жизни и судьбе. Елену Андреевну, как и Ипполита, ожидало искреннее увлечение современными радикальными идеями, захватившими умы русской молодежи, о чем уже приходилось писать [Викторovich, 2017]. На этот раз присмотримся (возможно, вслед за Достоевским), как происходило это обращение девушки из «семейства благочестивого» — в новую веру разрушения. История довольно типичная для эпохи, но в случае Елены Штакеншнейдер имевшая особый, «ипполитовский» оттенок. Болезнь и вызванное ею положение «внезаходимости» (термин М. М. Бахтина) сформировали особенно обостренную чуткость к «геологическому перевороту», совершавшемуся в русском обществе:

«Пока другие танцуют, играют и говорят и слушают давно затверженные речи, я сижу, не то, что лишняя, но совсем не принадлежащая к ним; и тоже слушаю, но иные речи. Эти не затвержены, они впервые еще раздаются, и в них шумная толпа моих однолеток и не вслушивается. <...> Что говорится, что делается кругом! Перерождаемся ли мы все, или только народились новые люди? Россия точно просыпается <...>. Что будет теперь? Все принялись что-то делать, не то строить, не то разрушать, я не разберу...» (запись от 16 января 1856 г.) (108—109).

С тревогой вчитывается Елена Андреевна в поток обличительной литературы, хлынувшей на страницы русских журналов. В своем дневнике 23 сентября 1856 г. она пишет: «Есть что-то подтачивающее и потому жестокое в литературе нашей. Идеала нет, вот что страшно» (133); «Вот отчего я боюсь читать журналы, они наводят меня на слишком страшные мысли. Их тонкий яд убивает то именно, чем я живу; и, когда убьет, чем буду я жить?» (135). 15 октября того же года она «заболевает хандрой» от чтения «Губернских очерков» М. Е. Салтыкова-Щедрина. Через месяц чтение «Тюрьмы и ссылки» Искандера-Герцена вызывает «внутренний разлад», а «страх» перед открывшейся картиной отечественных беззаконий вконец обессиливает молодую неокрепшую душу:

«Мне кажется, весь мир находится на краю бездны и должен погибнуть; <...> то, что этого никто не замечает, поддерживает мой ужас...» (141).

Согласимся, далеко не всем в эпоху перемен, «в минуты роковые» дано столь адекватно постигнуть необратимый и глубинный смысл происходящего. Елена Штакеншнейдер — из породы людей-«сейсмографов», каковыми будут герои романов Достоевского и сам их автор. Парадокс ее в том, что в качестве «выкидыша» (словечко Ипполита и Мышкина) она отвергнута

на житейском пиру жизни, но в качестве честного свидетеля ее, выражаясь словами Ф. Тютчева, «призвали всеблагие / Как собеседника на пир». Заметим, что именно в этом своем качестве она на долгое время и усваивает, как Ипполит, умонастроение «новых людей», так называемых нигилистов, хотя обуявший их «дух разрушения» (283), атеистический задор поначалу наводят на нее ужас утраты жизненной опоры. Уверенные и ясные ответы на все «проклятые вопросы» вводили не только ее в величайший соблазн упрощения. «Путь Ипполита» она прошла сполна, хотя, в отличие от него, в какой-то момент повернула обратно, перейдя на сторону князя Мышкина.

Profession de foi¹ князя — слова, сказанные перед припадком:

«...и неужели в самом деле можно быть несчастным? О, что такое мое горе и моя беда, если я в силах быть счастливым? Знаете, я не понимаю, как можно проходить мимо дерева и не быть счастливым, что видишь его? Говорить с человеком и не быть счастливым, что любишь его!» (8, 459).

Ипполит настойчиво враждебен такому пониманию вещей, и потому его озлобление на мир — порой вопреки потребностям собственной природы — возвращает логику нигилизма. Потому и возможно было возвращение Елены Андреевны на «путь Мышкина», что она, невзирая на затяжной кризис веры, не смогла уничтожить в себе способность сорадоваться Божьему миру. В записи от 18 марта 1858 г. читаем совершенно *мышкинское* (до Мышкина) откровение:

«Но люди здоровые, без таких телесных недостатков, не знают, сколько в подобном несчастье может заключаться счастья. <...> мир Божий, данный нам, грешным людям, так хорош, что порой не знаешь, что бы дать за счастье жизни, и тогда, в подобные минуты, всякое лишение как-то радует, точно уплаченный долг...» (188).

60-е годы XIX в. — «эпоха бури и натиска» на духовные основания русского общества. В это время Елена Штакеншнейдер не на шутку увлечена либеральным подъемом, с надеждой смотрит на протестующую молодежь (среди которой ее любимый брат Адриан), впитывает очистительно-разрушительную философию тогдашнего «властителя дум» П. Л. Лаврова. Разгром студенческого движения, «польский поворот» 1863 г., падение общественных проектов, в которых она участвует, — все это однако остужает первоначальную эйфорию, дает волю сомнениям, а в итоге приводит к жестокому духовному кризису. При этом симпатия к нигилистам почти не поколеблена, а чтение романа Н. Г. Чернышевского «Что делать?» дает дополнительный импульс приятия «новых людей». В то же время растет ее негодование на неадекватность властей предрержащих. «Каракозовское дело»,

¹ символ веры (франц.)

в котором она не желает видеть последствий нигилизма, и внеправовой арест Лаврова доводят до кульминации ее бунтарские («ипполитовские») настроения. Бунт обретает и глубоко личные мотивы: 8 августа 1865 г. далеко от дома умирает отец, надорвавшийся от непосильных трудов во благо большого и неблагодарного семейства. Елена, единственная в семье сердечная сочувственница страдальца-отца, заносит в дневник отчаянные слова душевного терзания, поставившего ее на грань самоубийства (записи не были включены в издание ее дневника 1934 г.): «Мое больное место — отец. Я не могу забыть этого путешествия и что не добрался он до дому. Не могу забыть этого страстного пути без Воскресенья!.. Чем больше всё у нас успокоивается, приходит в порядок, тем мне тяжелее. Чем лучше устраиваемся, — тем тяжелее. Отчего же он изъят, он один?» (запись от 29 октября 1865 г.)⁷.

3 ноября того же года: «О Боже мой, Боже мой! Кто разобьет мою голову? Кто порвёт эти нити, которые тянут из-за захлопнутой крышки гроба и причиняют эту невыносимую боль? — Лавров плачет над умирающей женой своей, отчего я не могу плакать? Чем же, как, когда выйдет из меня эта невыносимая тоска? Ведь у меня не делается чахотки, это для меня было бы слишком хорошо!»⁸.

Однако Елену Андреевну посещают удивительные, при всем безграничном отчаянии, мысли, ведущие ее, условно говоря, от Ипполита Терентьева ко Льву Мышкину. Эти мысли наиболее явно отражены в записях конца 1865 — начала 1866 гг.

14 ноября 1865 г.: «От дневника моего не скрою тайную радость мою. Никто не знает, в какое хорошее настроение приходит дух мой, когда болит тело. Все бичи мои исчезают, никуда не тянет, ничто не погоняет куда-то, в неведомый мир. Радость эта всем кажется преступной, она бы казалась такой и мне, если бы я могла хоть мало-мальски сознавать себя достойным членом человечества; но теперь, когда я сознаю только стыд и бичевание и неутолимую жажду чего-то, я не могу думать иначе»⁹.

1 декабря 1865 г.: «Жизнь хороша, жизнь дорога, но не моя жизнь. Будь у меня, я уж не говорю, другая наружность, но только характер другой, я бы страшно жалела, что умираю, но теперь для меня лучший исход — смерть. Иной жизни, кроме такой, какую я вела до сих пор, пустой, холодной, мучительной жизни, мне не выработать, и так смерть лучше. Есть вещи, которые я страстно люблю, которые есть и у меня и которые никто отнять не может, которые не могут ни умереть, ни сгореть, ни пропасть, эти вещи: солнце, цветы, шум леса, переливы и переходы света и теней — одним словом, вся эта дивная в звуках и красках панорама природы. Как бы настроена я ни была, но не только вид, одно воспоминание о солнце, о лесе способно вдруг обрадовать меня»¹⁰.

На этом пути являются первые признаки «выздоровления» и являются, заметим, вновь через *расширение* личного «я».

12 января 1866 г.: «Вглядываясь в свой внутренний хаос, я ознакомилась с хаосами вообще; (а где их нет?), от них больно, от них трудно, но того одуряющего, того болезненного удивления, какое они производили сначала, уже больше нет. Теперь я не кидаюсь, потерявши голову. Куда кидаться? Тихая стала. К чему шуметь? С кого взыскивать? <...> Теперь не судьба меня держит в руках, а я держу в руках свою судьбу! Если я её выпущу, если я худо справлюсь с ней, виновата я. А владеть ею я могу, я должна!»¹¹.

Очевидно, здесь и была точка перелома. 1866 г. — «год Каракозова», но и год «Преступления и наказания». Елена Андреевна посылает арестованному Лаврову этот роман возрождения обозлившегося на мир страдальца. К сожалению, в дневнике и переписке Штакеншнейдер мы не обнаружили записи о прочитанном (как, например, о романе «Униженные и оскорбленные»; см. [Викторович, 2017: 85]). Видимо, «время Достоевского», полноты понимания русского гения, для нее еще не наступило, хотя она уже вошла в новое измерение в своем жизненном пространстве. «Время Лаврова», долгого искуса безопорной, *сужающей* философии Ипполита, отступало (хотя и в Ипполите, как и в Лаврове, имелись зачатки расширительного устремления, увы, скомканные «тьмой низких истин»). В ней самой возрождалось прошедшее «через бездну сомнений» начало приятия страданий как пути к обновлению и высшей гармонии бытия. Вырастали новые крылья, но для этого нужно было, по выражению самой Елены Андреевны, «вырвать из себя эгоизм».

Как это конкретно происходило, приоткрывает дневниковая запись от 28 октября 1866 г.:

«Конради (одна из близких знакомых. — В. В.) говорит: “Вы Магдалина, вам надо непременно смазывать бальзамом больные места и, когда нет ничего другого, вытирать их своими волосами. Здоровых, чистых людей вы не любите, вам нужны убогие. Вы так и смотрите, куда бы прилепить пластырь, вы в этом находите наслаждение”.

Это неправда! Если за пластырем приходят, я даю его; а наслаждения, удовлетворения в этом не нахожу. Я не умею бороться, отстаивать свою личность, чувства самосохранения во мне нет, это правда. Но никто не знает, чего мне стоило это отречение от самой себя, когда я вырвала из себя весь эгоизм, чтобы он меня не мучил; когда гордость моя жестоко страдала от того, что я просила и не получала; являлась с требованиями, внушенными моею природой, и получала в ответ насмешку, полную удивления.

Тогда, чтобы не терзаться, не язвиться, не стыдиться ежечасно, я бросила все, отказалась от всего, как делают гордые люди, — когда им дают половину с снисхождением, с насмешкой, из милости, они тогда ничего не берут, и я ничего не взяла. И так пропал мой эгоизм» (345–346).

Перед нами открывается один из возможных вариантов психологического процесса формирования «магдалинского»-«мышкинского» отношения

к «убогим» («За вами нужно много ходить, Настасья Филипповна. Я буду ходить за вами» (8, 142)). В романе Достоевского этот процесс опущен, выведен за скобки, и мы не знаем, как Мышкин *стал* «князем Христом». На поверхности лишь видимая всеми мотивация: болезнь, «идиотизм» эксцентрического альтруизма. История Штакеншнейдер показывает, что «мышкинское» может произрасти из аффекта смилившейся гордости; нечто похожее произошло, кстати, с «идиотом» первоначальных планов романа, но не попало в окончательный текст.

Кажущаяся прирожденной, а на самом деле выстрадавшая сердечная открытость чужим болям и радостям завоевала тогда полное доверие к «положительно прекрасной» Елене Штакеншнейдер многих замечательных современников, ее собеседников и конфиденентов, среди которых самыми душевно близкими оказались Ф. М. Достоевский и «мышкински»-чуткий лирик Я. П. Полонский («это странное существо, этот ребенок, как-то неожиданно выросший и нечаянно состарившийся»¹²).

Новая встреча Е. А. Штакеншнейдер с Ф. М. Достоевским в начале семидесятых годов была качественно иной, нежели десять лет назад: теперь она вполне созрела для миссии духовного конфиденента великого писателя (см.: [Березкин], [Индзинская], [Индзинская, Викторovich], [Тихомиров]). Именно ей, изжившей «комплекс Ипполита», было дано в полной мере осознать и выразить в своих записках значение Достоевского как *учителя жизни* (458–459). Нечто от князя Мышкина замечает она в самом создателе этого образа:

«Его называют психологом. Да, он был психолог. Но, чтобы быть таким психологом, не надо быть великим писателем, а надо уметь подходить к душе ближнего, надо самому иметь душу добрую, простую, глубокую и не умеющую презирать <...>, которая может нагнуться, умалиться и пройти в душу ближнего...» (459).

Чтобы увидеть и понять это, надо было пройти большую жизненную школу от «класса Ипполита до класса князя Мышкина».

***

Надежда Сулова, с подачи сестры Аполлинии, однажды заподозрила Достоевского в том, что тот норовит «питаться чужими страданиями». Писатель сделал попытку оправдаться¹³, однако на это обвинение можно посмотреть и с другой стороны, которая приоткрывает творческую лабораторию писателя. Художник, «божественная губка», впитывает жизненные впечатления, чтобы затем бросить их в переплавку новой реальности. В этом случае «рудой» становятся не только радости и страдания самого автора, но и переживания его близких и дальних, явленных взору гениального соглядатая. Исследователю, биографу писателя жизнь и судьба иных его

современников, в свою очередь, может открыться в качестве предположительного источника постигаемого творчества, что не всегда совпадает с возможной их локализацией в качестве прототипа того или иного литературного персонажа.

Мы, разумеется, отдаем себе отчет в том, что «участие» Елены Штакеншнейдер в формировании замысла романа «Идиот», а именно соотношения Мышкин / Ипполит, — не более (но и не менее) чем гипотеза. Нам она представляется очень вероятной и обоснованной, но даже если наше предположение ошибочно и Достоевский прошел мимо столь выразительного «материала», этот живой жизненный контекст имеет значение как аргумент в пользу автора, утверждавшего, что «именно теперь-то и должны быть такие характеры» (29₁, 19).

Приведенные выше слова Достоевского о нефантастичности «Идиота» в контексте письма Н. Н. Страхову от 26 февраля (10 марта) 1869 г. имеют еще один полемический подтекст, заданный упоминанием нового произведения И. С. Тургенева: «...а уж Тургенева повесть в “Русском вестнике” (я читал) — такая ничтожность, что не приведи Господи» (29₁, 19). Имеется в виду повесть «Несчастливая», напечатанная в январском «Русском вестнике» 1869 г., т. е. в следующем же номере после окончания «Идиота». Героиня тургеневской повести, молодая девушка, ущемленная судьбою, судя по всему, добровольно уходит из жизни, сопровождаемая авторскими lamentациями. Очевидно, вот этот пафос бессильного страха жизни Достоевский и называет «ничтожным». Главный герой его романа и близкая ему Елена Штакеншнейдер приемлют христианскую философию страдания и прокладывают путь к преодолению узости самозамкнутой личности. Жалкая героиня Тургенева ставится Достоевским в один ряд с новым героем И. А. Гончарова, никчемным Райским (роман «Обрыв»), и вот здесь-то, в этом-то контексте и утверждается правда нового героя времени, не замечаемого литературой: «И все одно да одно. Мы всю действительность пропустим этак мимо носу. Кто ж будет отмечать факты и углубляться в них? Про повесть Тургенева я уж не говорю: это черт знает что такое! Неужели фантастичный мой “Идиот” не есть действительность, да еще самая обыденная!» (29₁, 19).

ПРИМЕЧАНИЯ

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Научное издание мемуаров, дневников и переписки Е. А. Штакеншнейдер» № 15-04-00477а.

¹ Прототип // Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук; Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. А. С. Герд; ред. А. А. Шушков. М.; СПб.: Наука, 2012. Т. 21: Прodelать — Пятью. С. 342.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1973. Т. 8. С. 383. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием тома, книги (нижний индекс), страницы в круглых скобках.

- ³ Штакеншнейдер Е. А. Дневник и записки (1854–1886) / ред., статья и коммент. И. Н. Розанова. М.; Л.: Academia, 1934. С. 43. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с указанием страницы в круглых скобках.
- ⁴ Прототипами героев романа «Идиот» стали также дед Е. А. Штакеншнейдер Ф. Л. Холчинский (генерал Иволгин) и младший брат Николай (Коля Иволгин) (см. об этом: [Назирова, 1974: 209–212]).
- ⁵ РГАЛИ. Ф. 923. Оп. 2. № 1. Здесь и далее текст дневника Е. А. Штакеншнейдер, не вошедший в издание дневника 1934 г., цитируется по архивным источникам.
- ⁶ Так Елену Андреевну прозвал И. А. Гончаров. См. его письмо к Е. В. Толстой от 28 октября 1855 г. (Голос минувшего. 1913. № 11. С. 235).
- ⁷ РО ИРЛИ. Р. III. Оп. 2. № 1996. Л. 2.
- ⁸ Там же. Л. 2 об. – 3.
- ⁹ Там же. Л. 7.
- ¹⁰ Там же. Л. 10–10 об.
- ¹¹ Там же. Л. 13.
- ¹² РГАЛИ. Ф. 923. Оп. 2. № 4. Л. 16.
- ¹³ См. ответное письмо Ф. М. Достоевского к Н. П. Суловой от 19 апреля 1865 г. (28₂, 121).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоусов Р. С. Из родословной героев книг. — М.: Советская Россия, 1974. — 304 с.
2. Белоусов Р. С. Хвала Каменам. — М.: Советская Россия, 1982. — 304 с.
3. Березкин А. М. Е. А. Штакеншнейдер. Комментарии. Неизданные письма к Достоевскому // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1983. — Т. 5. — С. 254–255.
4. Боград Г. Л. Павловские реалии в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Статьи о Достоевском: 1971–2001. — СПб.: Серебряный век, 2001. — С. 152–164.
5. Викторovich В. А. «Учительство — не выучка, учительство — апостолат» // Филологические записки. — Воронеж, 2005. — Вып. 23. — С. 219–239.
6. Викторovich В. А. Казус Мозглякова (Повесть Ф. М. Достоевского «Дядюшкин сон» в литературном и биографическом контексте) // Острова любви БорФеда: сборник к 90-летию Бориса Федоровича Егорова. — СПб.: Росток, 2016. — С. 223–229.
7. Викторovich В. А. Испытание «практической философии», или Два учителя Елены Штакеншнейдер // Неизвестный Достоевский. — 2017. — № 2. — С. 71–95 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1500022326.pdf (10.12.2017).
8. Достоевская А. Г. Воспоминания. 1846–1917. — М.: ООО «Бослен», 2015. — 768 с.
9. Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери. — СПб.: Андреев и сыновья, 1992. — 246 с.
10. Индзинская А. В. «Вся ваша и с костылями Е. Штакеншнейдер»: переписка Е. А. Штакеншнейдер и А. Г. Достоевской // Неизвестный Достоевский. — 2015. — № 4. — С. 34–39 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1455191625.pdf (10.12.2017).
11. [Индзинская А. В., Викторovich В. А.] Переписка Е. А. Штакеншнейдер и А. Г. Достоевской (1878–1887) / подгот. текста и примеч. А. В. Индзинской, В. А. Викторovichа // Неизвестный Достоевский. — 2015. — № 4. — С. 40–52 [Электронный ресурс]. — URL: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453712629.pdf (10.12.2017).

12. Левина Л. А. Два князя (Владимир Федорович Одоевский как прототип Льва Николаевича Мышкина) // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1997. — Т. 14. — С. 139–152.
13. Назиров Р. Г. Герои романа «Идиот» и их прототипы // Русская литература. — 1970. — № 2. — С. 114–123.
14. Назиров Р. Г. О прототипах некоторых персонажей Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. — Л.: Наука, 1974. — Т. 1. — С. 209–219.
15. Новикова Е. Г. «Nous serons avec le Christ». Роман Ф. М. Достоевского «Идиот». — Томск: Изд-во Томского ун-та, 2016. — 244 с.
16. Свирский В. Д. Откуда вы, герои книг? Очерки о прототипах. — М.: Книга, 1972. — 176 с.
17. Соломина Н. Н. Примечания // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. — Л.: Наука, 1974. — Т. 9. — С. 385–403.
18. Соркина Д. Л. Замысел и его осуществление (Из истории создания образа князя Мышкина в романе Достоевского «Идиот») // Ученые записки Томского гос. университета. Филол. фак-т. — 1965. — № 50: Некоторые проблемы метода и мастерства писателя. — С. 33–44.
19. Тихомиров Б. Н. В гостях у «горбуни с умным лицом...»: Салон Е. А. Штакеншнейдер // Тихомиров Б. Н. Достоевский на Кузнечном: Даты. События. Люди. — СПб.: Кузнечный переулок, 2012. — С. 73–83.
20. Хализев В. Е. Прототип // Литературный энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — С. 310.
21. Этингоф О. Е. Иерусалим, Владикавказ и Москва в биографии и творчестве М. А. Булгакова. — М.: Издат. Дом ЯСК, 2017. — 478 с.

Дата поступления в редакцию: 12.01.2018

Vladimir A. Viktorovich

*Doctor of Philology
Professor of the Department of Literature of
The State University of
Social Studies and Humanities
(Kolomna, Russian Federation)*

VA_Viktorovich@mail.ru

A NON-FANTASTIC CHARACTER OF THE «FANTASTIC NOVEL “THE IDIOT”»*

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 15-04-00477a.

Abstract. Two figures of Russian history — Count G. A. Kushelev-Bezborodko and Prince V. F. Odoyevsky — have been considered up to now the prototypes of the protagonist of Dostoevsky’s novel “The Idiot”. This opinion was conditioned by similar biographical events and traits of their characters and appearance. This article offers a new approach to the problem: spiritual life of a real person may be prototypical. Thus, E. A. Stackenschneider, Dostoevsky’s good acquaintance, represents a personality extremely exciting for the author of “The Idiot”: a handicapped person due to the insolence of Nature, who is deprived of a right for mere human happiness, she is experiencing and overcoming the metaphysical insult complex embodied in a variative way in

the images of Ippolit Terentyev and Prince Myshkin in the novel. The diary of E. A. Stackenschneider (including its pages not published up to now) renovates the conception of the life context of the novel “The Idiot” and verifies the author’s claim about a non fantastic character of his hero.

Keywords: the novel “The Idiot”, prototype, Prince Myshkin, Ippolit Terentyev, diary of E. A. Stackenschneider, life context, literary image

REFERENCES

1. Belousov R. S. *Iz rodoslovnnoy geroev knig [The Genealogy of the Heroes of the Books]*. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1974. 304 p. (In Russ.)
2. Belousov R. S. *Khvala Kamenam [A Hymn to Camenae]*. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1982. 304 p. (In Russ.)
3. Berezkin A. M. E. A. Stakenschneider. Comments. Unpublished Letters to Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. Leningrad, Nauka Publ., 1983, vol. 5, pp. 254–255. (In Russ.)
4. Bograd G. L. Pavlov’s Realia in the Novel by Fedor Dostoevsky “The Idiot”. In: *Stat’i o Dostoevskom: 1971–2001 [Articles About Dostoevsky: 1971–2001]*. St. Petersburg, Serebryanyy vek Publ., 2001, pp. 152–164. (In Russ.)
5. Viktorovich V. A. Teaching Is not Training, but an Apostolate. In: *Filologicheskie zapiski [Philological Notes]*. Voronezh, 2005, issue 23, pp. 219–239. (In Russ.)
6. Viktorovich V. A. The Case of Mozglyakov (F. Dostoevsky’s Novel “Uncle’s Dream” in the Literary and Biographical Context). In: *Ostrova lyubvi BorFed: Sbornik k 90-letiyu Borisa Fedorovicha Egorova [Love Isles of BorFed: Collection for the 90th Anniversary of Boris Egorov]*. St. Petersburg, Rostok Publ., 2016, pp. 223–229. (In Russ.)
7. Viktorovich V. A. An Ordeal by “Practical Philosophy” or Two Teachers of Elena Stakenschneider. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2017, no. 2, pp. 71–95. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1500022326.pdf (accessed on December 10, 2017). (In Russ.)
8. Dostoevskaya A. G. *Vospominaniya. 1846–1917 [Memoirs. 1846–1917]*. Moscow, Boslen Publ., 2015. 768 p. (In Russ.)
9. Dostoevskaya L. F. *Dostoevskiy v izobrazhenii svoey docheri [Dostoevsky as Figured by His Daughter L. Dostoevskaya]*. St. Petersburg, Andreev i synov’ya Publ., 1992. 246 p. (In Russ.)
10. Indzinskaya A. V. “All Sincerely Yours and with on Crutches, E. Stakenschneider”: E. A. Stakenschneider’s Correspondence with A. G. Dostoevskaya. In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, no. 4, pp. 34–39. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1455191625.pdf (accessed on December 10, 2017). (In Russ.)
11. Indzinskaya A. V., Viktorovich V. A. Correspondence Between E. A. Stakenschneider and A. G. Dostoevskaya (1878–1887). In: *Neizvestnyy Dostoevskiy [The Unknown Dostoevsky]*, 2015, no. 4, pp. 40–52. Available at: http://unknown-dostoevsky.ru/files/redaktor_pdf/1453712629.pdf (accessed on December 10, 2017). (In Russ.)
12. Levina L. A. Two Princes (Vladimir Fedorovich Odoevsky as a Prototype of Lev Nikolaevich Myshkin). In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya [Dostoevsky. Materials and Researches]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, vol. 14, pp. 139–152. (In Russ.)
13. Nazirov R. G. The Heroes of the Novel “The Idiot” and Their Prototypes. In: *Russkaya literatura*, 1970, no. 2, pp. 114–123. (In Russ.)

14. Nazirov R. G. About the Prototypes of Some Characters of Dostoevsky. In: *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Researches]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 1, pp. 209–219. (In Russ.)
15. Novikova E. G. “*Nous serons avec le Christ*”. *Roman F. M. Dostoevskogo «Idiot»* [“*Nous serons avec le Christ*”. *The Novel of F. M. Dostoevsky “The Idiot”*]. Tomsk, Tomsk State University Publ., 2016, pp. 186–229. (In Russ.)
16. Svirskiy V. D. *Otkuda vy, geroi knig? Ocherki o prototipakh* [Where Are You from, the Heroes of the Books? Essays About Prototypes]. Moscow, Kniga Publ., 1972. 176 p. (In Russ.)
17. Solomina N. N. Notes. In: *Dostoevskiy F. M. Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Dostoevsky F. M. Complete Works: in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1974, vol. 9, pp. 385–403. (In Russ.)
18. Sorkina D. L. The Idea and Its Implementation (From the History of the Creation of the Image of Prince Myshkin in Dostoevsky’s Novel “The Idiot”). In: *Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologicheskiy fakul’tet* [Scientific Notes of Tomsk State University. Philological Faculty], 1965, no. 50: Some Problems of the Method and Skill of the Writer, pp. 33–44. (In Russ.)
19. Tikhomirov B. N. Visiting the “Hunchback with an Intelligent Face...”: Salon of E. A. Stackenschneider. In: *Tikhomirov B. N. Dostoevskiy na Kuznechnom: Daty. Sobytiya. Lyudi* [Dostoevsky in Kuznechny Lane: Dates. Events. People]. St. Petersburg, Kuznechnyy pereulok Publ., 2012, pp. 73–83. (In Russ.)
20. Khalizev V. E. Prototype. In: *Literaturnyy entsiklopedicheskiy slovar’* [The Literary Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1987, p. 310. (In Russ.)
21. Etingof O. E. *Ierusalim, Vladikavkaz i Moskva v biografii i tvorchestve M. A. Bulgakova* [Jerusalem, Vladikavkaz and Moscow in the Biography and Works of M. A. Bulgakov]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul’tury Publ., 2017. 478 p. (In Russ.)

Received: January 12, 2018